

Нухрикан Екатерина Сергеевна

**ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ГОРСКИХ ОБЩЕСТВАХ
КАРАЧАЯ И БАЛКАРИИ (1860-Е ГГ. - НАЧАЛО XX В.)**

В статье рассматривается тема правовых изменений в сфере земельных отношений, происходивших в горских обществах Карачая и Балкарии после начала реформ 1860-1870-х гг. Автор освещает проблему государственной легитимации частной собственности на землю, которая сложилась в рассматриваемых регионах еще до присоединения их к России. Исследуются вопросы развития арендных отношений, залога и других форм оборота земельных угодий, трансформации норм обычного права в направлении их адаптации к имперскому законодательству, возникновения новых форм общественного имущества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. II. С. 128-134. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Беляев А. А., Слезин А. А.** Внутрисоюзная жизнь послевоенного комсомола: особенности провинциального стиля // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2010. Т. 16. № 1. С. 188-198.
2. **Бурахина О. А., Слезин А. А.** Экономические итоги деятельности студенческих строительных отрядов Тамбовской области // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2007. Т. 13. № 1. С. 336-345.
3. **Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО).** Ф. П-8283. Оп. 1.
4. **ГАСПИТО.** Ф. П-8624. Оп. 1.
5. **ГАСПИТО.** Ф. П-8625. Оп. 1.
6. **Дорошина М. М.** Комсомольские лидеры в российской провинции второй половины 1960-х – первой половины 1980-х годов: коллективный портрет // Политика и общество. 2015. № 2. С. 262-273.
7. **Ласточкин В. Б.** Трудовое воспитание в сельской школе в условиях перехода к всеобщему восьмилетнему образованию // Вестник Чувашицкого университета. 2006. № 6. С. 48-58.
8. **Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (январь-декабрь 1963 года).** М.: Молодая гвардия, 1964. 448 с.
9. **Слезин А. А., Беляев А. А.** Коммунистическое «министерство молодежи» в духовной сфере жизни послевоенного советского общества // Политика и общество. 2009. № 12. С. 30-34.
10. **Слезин А. А., Беляев А. А.** Школьные комсомольские организации в условиях послевоенного развития (1945-1954 гг.) // Берегиня. 777. Сова. Общество. Политика. Экономика. 2010. № 3. С. 19-29.
11. **Слезин А. А., Олейников Д. М., Беляев А. А. и др.** Тамбовский комсомол: грани истории. 1946-1991. Тамбов: Юлис, 2010. 384 с.
12. **XXII съезд КПСС (17-31 октября 1961 года):** стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 3. 592 с.

KOMSOMOL AS ORGANIZER OF “STRENGTHENING CONNECTION BETWEEN SCHOOL AND LIFE” (1963-1964)**Nesterova Aleksandra Aleksandrovna***Tambov State Technical University**nesterovaalexandra@yandex.ru*

By the materials of Tambov region the peculiarities of the labor education of pupils in 1963-1964, when the reform of the local authorities was held, are examined. During this period the rural and industrial regional committees of the All-Union Leninist Young Communist League were in force at the same time. The influence of the regional committees and Komsomol organizations subordinate to them on the implementation of the policy of “strengthening connection between school and life”, and also the inconsistency of the results of the school reform directed towards a closer connection of studying the basics of sciences with polytechnic training and labor education are shown.

Key words and phrases: labor education; education; youth; Komsomol; connection of school with life; Khrushchev’s reforms.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассматривается тема правовых изменений в сфере земельных отношений, происходивших в горских обществах Карачая и Балкарии после начала реформ 1860-1870-х гг. Автор освещает проблему государственной легитимации частной собственности на землю, которая сложилась в рассматриваемых регионах еще до присоединения их к России. Исследуются вопросы развития арендных отношений, залога и других форм оборота земельных угодий, трансформации норм обычного права в направлении их адаптации к имперскому законодательству, возникновения новых форм общественного имущества.

Ключевые слова и фразы: горские общества; имущество; владение; пользование; частная собственность; право; адат; аренда; залог.

Нухрикян Екатерина Сергеевна*Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева**nys-82@mail.ru***ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ
В ГОРСКИХ ОБЩЕСТВАХ КАРАЧАЯ И БАЛКАРИИ (1860-Е ГГ. – НАЧАЛО XX В.)[©]**

Рассматриваемый период характеризуется преобразованиями в сфере правового уклада горских обществ Северного Кавказа, которые являлись следствием, с одной стороны, вовлечения местных народов в правовое пространство России, а с другой – реформаторской политики властей.

Актуальность исследования данной проблемы обуславливается тем, что она, прежде всего, не получила достаточного освещения в историческом кавказоведении применительно к карачаево-балкарским горским

обществам в целом. Имеет место исследовательский дисбаланс, образуемый, с одной стороны, более-менее основательной изученностью политической, социальной и хозяйственной истории карачаевцев и балкарцев, а с другой – слабой освещенностью их правовой истории. В частности, к настоящему времени нет ни одной научной работы, в которой были бы изучены все факторы эволюции имущественного права указанных народов в их целостности.

Данное обстоятельство диктует исследовательские задачи, и, в первую очередь, – изучение причин и условий генезиса имущественного права карачаево-балкарских горских обществ, освещение общих и специфических тенденций в этом процессе, обозначение роли и места имущественного права в их правовом укладе.

Касаясь степени изученности обозначенной темы, необходимо отметить, что первые шаги в научном исследовании разных аспектов и элементов имущественного права в сфере землевладения Карачая и Балкарии были сделаны еще до революции. Так, Б. А. Шаханов на примере Балкарии дал аргументацию наличия права частной собственности на землю у горцев (что не получало формального признания со стороны царской администрации), доказывая, что большинство их владеет «землею в течение нескольких земских давностей» [21, с. 119-207]. М. К. Абаев также доказывал «существование издавна в горских обществах ясного понятия о праве собственности на землю и самом праве» и приводел документальный материал по решениям и проектам официальных инстанций относительно поземельных прав горцев Балкарии [22, с. 127-131]. М. В. Орлов в своем объемном очерке специально рассматривает вопрос о праве частного землевладения в Карачае, но отвергает его наличие здесь [12]. Тех же идей придерживается и Н. С. Иваненков [7]. В принципе, все дореволюционные исследователи в вопросе земельного права были сосредоточены на вопросе о наличии частной собственности на землю. Собственно вопросы генезиса имущественного права у карачаевцев и балкарцев в рассматриваемый период оставались на периферии внимания и историографии советского периода. А. Терентьев, работы которого коснемся ниже, затронул эволюцию лишь одного из компонентов имущественного права, связанного с арендными отношениями [18]. Некоторые вопросы реформирования правового уклада карачаевцев были рассмотрены в работах В. П. Невской [10; 11], однако они были ориентированы на освещение в основном проблем социальной истории, поэтому эволюция имущественного права в них специально не исследовалась. В постсоветской историографии, когда сменилась концептуальная парадигма отечественного кавказоведения, работ по нашей теме не обнаруживается вовсе. В целом можно констатировать наличие лакуны в освещении истории правовой культуры карачаевцев и балкарцев данного периода.

Характерной чертой преобразований в сфере регулирования имущественных (в первую очередь – земельных) отношений рассматриваемых горских обществ было то, что проводились они медленно, без видимых усилий к их форсированию. Этнограф и историк права М. М. Ковалевский (1890) считал правильным то, что правительство не стало проводить в горской среде «радикального переворота в земельном и сословном строе», а сохранило «все особенности их общинного и племенного землевладения». Он положительно оценивал факт признания «целых сотен тысяч десятин нераздельной собственностью кабардинского народа и тех горских племен тюркского происхождения, которые известны нам под наименованием балкарцев». Успех на Северном Кавказе исследователь связывал близостью горского «земельного строя к тому, которым доселе живет великорусское крестьянство» [8, с. 256-257, 269].

Вплоть до революции нерешенным оставался вопрос *государственного признания частной собственности на землю у горцев*. В самых общих формах в период Кавказской войны она, казалось бы, признавалась царским командованием, официально и неоднократно подтверждавшим имущественные права населения присоединенных регионов. Так, в обращении командира Отдельного Кавказского корпуса генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича от 30 мая 1830 г. к мусульманским народам Северного Кавказа от имени царя, помимо всего, гарантировалось сохранить их «собственность на вечные времена неприкосновенно» [23]. Наместник царя на Кавказе в 1844-1854 гг. князь М. С. Воронцов издал прокламацию, где, ссылаясь на волю императора, горцам гарантировалось: «...земля ваша, имения ваши, а также все имущество, приобретенное трудами, будет неприкосновенною вашею собственностью и останется без всякого изменения». Данное положение подтверждалось и в прокламации другого наместника – князя А. Барятинского (1859): «Земли ваши, которыми вы владеете или которыми наделены русским начальством, будут утверждены за вами актами и планами в неотъемлемое владение ваше» [22, с. 283]. 19 февраля 1862 г. была издана прокламация командующего войсками Кубанской линии графа Евдокимова, где говорилось, что царь «повелел утвердить на прочных основаниях ту землю, которою доселе пользовались» карачаевцы, в их «вечное и потомственное... владение» [12, с. 172]. Постановлением Сената (высшей судебной инстанции империи) устанавливалось, что в случае, если в присоединенной к империи области «не существует собственности в качестве юридического института, но земля, хотя бы лишь на основании обычая, находилась в неограниченном владении частных лиц, то администрация, не касаясь надлежащего разрешения судебной или законодательной власти вопроса, может ли земля быть признана собственностью владельцев, обязана охранять существующее положение вещей» [22, с. 281]. В своём отчете на имя царя в 1869 г. наместник отмечал, что «все земли в районе горских обществ составляют собственность или целых обществ или частных лиц» [Там же, с. 283], то есть говорит о двух видах земельной собственности. 12 ноября того же года царь утвердил составленные Кавказским комитетом «Правила о наделении туземцев Кубанской области», согласно которым горское население области было разделено на три категории по правам получения земельного надела. Лицам 1-й и 2-й категорий выделялась земля «в частную их собственность, смотря по происхождению их, личным заслугам и влиянию в народе», а лицам 3-й категории («людям простого звания, составлявшим свободный класс народа») –

участки аульной земли «на общинном праве». На Эльбрусский (Карачаевский) округ действие этих Правил было отложено до осуществления топографической съемки и распределения земель между селениями, основанного «по числу душ мужского пола» [12, с. 177-178]. Но полная реализация данных Правил вносила бы путаницу, так как те земли, которыми «свободный класс народа» истари владел на правах частной собственности, юридически должны были стать общинными. Наместник царя на Кавказе 23 июня 1869 г. направил военному министру докладную записку, где говорится, что в Балкарии все земли «составляют собственность или целых обществ, или частных лиц». Указывается, что «к первой категории земель, т.е. к общественной собственности, преимущественно относятся обширные пастбищные и частью сенокосные места, а ко второй – весьма ограниченное количество пахотных земель и земель, находящихся под усадьбами оседлостями» [6, с. 122]. Иными словами, на весьма высоком уровне признавалось наличие частной земельной собственности у балкарцев на приусадебные земли, пашни и отчасти сенокосные угодья.

Однако эти общие установки не находили однозначной реализации в практическом плане. Например, вопрос о частной собственности на землю в Кабардинском округе рассматривал Кавказский комитет, который в своём решении от 23 декабря 1869 г. определил, что «частная собственность на землю должна быть признана за теми жителями Большой Кабарды и горских обществ (*Балкарии – прим. автора – Е. Н.*), которые на право владения представляют в известный срок удовлетворяющие народному обычаю документы» [22, с. 292].

С одной стороны, этим признавалась юридическая сила традиционного горского права («удовлетворяющие народному обычаю»). А с другой – очевидна была невозможность документального подтверждения прав на землю у основной массы землевладельцев в горских обществах, не имевших письменной традиции. Властями не устранялось основное препятствие – двусмысленность положения дел, с формально-правовым закреплением фактически давно существующего права частной собственности на землю. Это выражалось в том, что, с одной стороны, хозяевам земель, которой их семьи и роды владели веками, не выдавалось официальных документов, удостоверяющих их права, а с другой, – власти не препятствовали реальному обороту таких земель. Тем не менее, постепенное включение горских обществ в имперское правовое пространство в целом имело безусловный положительный аспект.

В пореформенный период стали меняться *нормы землепользования*. Право пользования общинными угодьями реализовывалось через *систему переделов* путем жеребьевки, причем сроки переделов в Карачае неуклонно увеличивались: если в 1860-70-е гг. они проводились через 1-2 года, то в 1880-е – через 3 года, а в конце того же столетия – через 9 лет и более [11, с. 463-464].

Преобразования в сфере землепользования постепенно *юридически упорядочили систему арендных отношений*, породили новые правовые формы аренды, вывели аренду за пределы традиционного ареала. 11 марта 1867 г. главнокомандующий Кавказской армией утвердил «Правила о размере платы за пользование свободными казенными землями Кубанской Области». Они предусматривали, что «за право пастбы скота и сенокосение в продолжение годичного срока на свободных казенных землях Урупского, Зеленчукского и Лабинского округов взимается по 15 коп. с одной головы крупного рогатого скота (КРС), по 4 коп. – мелкого скота, от 2-х до 3-х руб. от стога сена, смотря по урожаю трав». Свободные участки Эльбурского округа «между Кубанью и Кумою» сдавались в места зимовки скота – по 10 коп. с головы КРС, по 2 коп. – мелкого, от 3-х до 5 руб. «от коща, смотря по урожаю», а на летних пастбищах – по 5 коп. от головы КРС и по 1 коп. – мелкого скота. В примечании говорилось, что «на этом пространстве почти не бывает свободных участков, так как и для хозяйства Карачаевцев, живущих в соседстве, не достает этих земель». Билеты на право пользования землей выдавались в административных центрах округов: Эльбурского – в станице Верхне-Николаевской, Зеленчукского – «на р. Малый Зеленчук против ст. Баталпашинской», Урупского – в селенье Армавир, Лабинского – в станице Лабинской. Правила предписывали «с неисправными плательщиками денег в казну поступать по смыслу» ст. 286, 289, 427 и 485 ч. II т. XII Свода законов Российской империи [13, с. 2]. Таким образом, вводились выдаваемые окружными администрациями *письменные свидетельства* (билеты) на право пользования казенными землями, а нарушители несли ответственность по имперскому законодательству.

В пореформенное время получила импульс к развитию старая форма аренды – *ортак*, в определенной мере вытеснявший традиционные кошевые товарищества. Сдача скота в ортак (по крайней мере, части поголовья) позволяла арендодателю сосредоточиться на торговле скотом, налаживать выход на рынки сбыта, отслеживать рыночную конъюнктуру и т.д. Еще А. Терентьев указывал, что ортак «содействовал развитию товарного скотоводства» и «теперь скотовод, считавший более выгодным заниматься торговлей, барышничеством скота или посредничеством по барышничеству, мог освободиться от кошевой кампании, без риска потерпеть урон», отдав «свое стадо в прирост» по ортачному праву. Ортак вносил «известную четкость во взаимоотношения между скотоводами по сравнению с кошевыми товариществами, и сам становился стимулом к развитию отношений собственности, дифференцируя скотоводов как собственников» [18, с. 334]. Иными словами, ортачное право в новых условиях стало значимым нормативным ресурсом, обеспечивавшим переход из традиционных отношений хозяйствования к капиталистическим.

В силу указанных причин, первой социальной группой, вовлеченной у горцев в имперское хозяйственно-правовое пространство, стала быстро формирующаяся прослойка национальной буржуазии. Её основой выступило фермерское животноводство, которое в условиях земельного дефицита в тогдашнем Карачае объективно ориентировалось за его административные рамки. Масштабы вовлечения горских хозяйств в оборот земельных угодий хорошо иллюстрируется ежегодной суммой арендных платежей, которые в начале XX столетия уплачивались арендаторами-карачаевцами – 791 781 руб. [19], что равнялось стоимости 20 тыс. голов крупного рогатого

скота (одна корова стоила в среднем 40 руб. [16]). Учитывая, что численность карачаевцев тогда составляла всего около 35 тыс. чел. [7, с. 29-32], нетрудно понять, что сумма по тем временам была огромной.

Рыночный характер фермерства побуждал горских скотовладельцев обустраивать свои хозяйства близ курортных городов (Кисловодск, Пятигорск), во-первых, как устойчивых потребителей продукции животноводческой отрасли, а во-вторых, как ближайших точек, имевших железнодорожную связь с остальными регионами России.

Впервые горцы стали приобщаться к обороту казенных земель *через участие в торгах*, т.е. на конкурсной основе. Все пастбищные угодья нагорной полосы Кубанской области, находившиеся в собственности государства, в 1879 г. были разбиты на участки, которые сдавались в аренду сроком на 3 года с уплатой 2352,3 руб. ежегодно и правом арендаторов по истечении этого срока «возобновлять контракт ежегодно еще в течение 7 лет». После истечения первых трех лет администрация пришла к выводу, что «такой порядок крайне стеснителен для большинства горского населения», поскольку арендаторы «стремились только к личным интересам и к концу этого срока явились уже полными хозяевами арендованных участков, которые на основании контракта они и далее оставляли за собою в аренде». Решено было при возобновлении контрактов принять меры «к упорядочению пользования». При этом зимовники «были зачислены в особый вид угодий с указанием границ, а также учрежден надзор за лесом во избежание порубок и пожаров». Тем самым «был положен конец беспрепятственному пользованию пастбищами» [15, д. 46, л. 21-22].

Иновацией стало то, что к концу XIX века в качестве арендодателя внутри Карачая *впервые стали выступать аульные общества*, за которыми царская администрация закрепила права собственности на общинные земли. Общекарачаевские зимние пастбища и сенокосы (площадью 18851 дес.), располагавшиеся между реками Марой и Джегутой в урочищах Батага Айры, Гошайх-Сырты, Гум-Баши, Джэгетей-Баши, Тамчы, Тамгалы-Сырты и др., были разбиты на 80 участков. Они, согласно общему решению карачаевских обществ от 20 июля 1887 года, были разделены между аулами [10, с. 411]. При этом аульные общества должны были сами не пользоваться этими участками, а сдавать их с торгов в аренду частным лицам сроком на 3 года, причем, не дробя их, целиком. Арендные платежи поступали в казну аульных обществ [3, д. 1229, л. 104 – 105 об.].

За предвоенное десятилетие отмечается большой рост таких платежей: например, за участок № 5 на р. Джегуте (150 дес. в урочище Тамчы) в 1903 г. они составляли 330 руб., а в 1914 г. – 1400; за участок № 14 на р. Джегуте в 1908 г. платили 205 руб., а в 1914 г. – 1570 руб. Как отмечал Г. Ф. Чурсин в 1915 г., жители а. Нижне-Тебердинского платили «за сенокосную поляну на казенной стороне» 120 руб., а за лет двадцать до этого – лишь 5 руб.; раньше они «бесплатно выпасали скот на прилегающих к р. Теберде казенных склонах, а теперь платят за выпас 75 коп. с головы рогатого скота» [20, с. 255].

Аульные общества имели право не только сдавать аренду, но и *передавать в дар общинные земельные участки общественным учреждениям*. Так, в 1894 г. Учкуланское аульное общество подарило местной школе 4 десятины «хорошей земли» [17, с. 173].

По вопросам аренды земель стали устанавливаться *договорные отношения между горскими обществами и казачьими станичными общинами*. По данной теме в 1903 г. проводились переговоры общекарачаевских доверенных и уполномоченных аульных обществ Карачая с казачьими властями станиц Усть-Джегутинской и Красногорской [Там же, с. 191].

Впервые была введена *система регуляции поземельных отношений между народами*. Так, споры карачаевцев с абазинами и кабардинцами по проблеме пользования смежными земельными угодьями (пастбищами) побудили власти создать 4-24 сентября 1864 г. межобластную Временную посредническую комиссию «для окончательного разбора поземельных прав кабардинцев, карачаевцев и абазинцев и для могущего быть нового территориального разделения Кубанской и Терской областей сообразно истинным нуждам и потребностям этих племен» [12, с. 173-174].

В ноябре 1889 г. вопрос о совместном пользовании Зольскими и Нагорными пастбищами, общественным лесом предгорной зоны был решен совместным съездом 148-ми доверенных Кабарды и Горским обществ, на котором были приняты соответствующие Правила [14, с. 243-244].

Следует особо отметить вопрос об *обороте природных ресурсов* (помимо земельных), который в дореформенный период регулировался адатами. С 1850-х гг. на этот оборот распространилось действие имперского законодательства. Основные вопросы пользования ими решались имперскими инстанциями (Кавказский комитет, Министерство государственных имуществ (МГИ) и созданный при нём Горный совет, Главное управление земледовства и земледелия МГИ), кавказской администрацией (Главнначальствующий гражданской частью на Кавказе, Наместник царя на Кавказе, созданный при нём Совет главного управления горной частью), региональными структурами (начальник области, областное управление земледелия и государственных имуществ (УЗГИ), лесной департамент УЗГИ) [4, д. 120, л. 2 об.; 5, д. 168; 17, с. 151-158]. В 1875 г. царем были утверждены «Правила для поисков и разработки каменного угля в свободных землях Кавказского и Закавказского края»; пользование недрами регулировалось Горным Уставом [17, с. 157-158].

Стала вводиться государственная правовая основа пользования *лесными угодьями*. Еще в 1850-е гг. вывоз «из карачаевских лесных дач» осуществлялся только с разрешения командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории [Там же, с. 81]. Позднее в Карачае леса были разбиты («для более правильного надзора, ведения лесного хозяйства и пользования лесом») на семь лесных дач, где рубка разрешалась лишь «приговором всего карачаевского народа» при одобрении Кубанским областным правлением. Устанавливалось, что весь древесный материал, полученный при таких рубках, может продаваться только при условии,

«когда будут удовлетворены домашние нужды отдельных аульных обществ». Отпуск лесоматериалов осуществлялся по смете и таксам, составлявшимся областным правлением и утверждавшимся командующим Кавказским военным округом [9, с. 75].

Эти лесные дачи, находились в общей собственности Карачая и подпадали под действие Положения о сбережении частных и общественных лесов, утвержденных царем 4 апреля 1888 г. Позднее, 20 мая 1893 года, командующий войсками Кавказского военного округа утвердил «Временное положение об управлении и пользовании Карачаевскими общественными лесами». Атаман Кубанской области поручал областному лесничему обратить внимание на то, чтобы «при эксплуатации лесных богатств карачаевского народа» осуществлялся вывоз, прежде всего, «валежного, буреломного и горелого леса, годного еще как на изделия, так и на дрова». Это мотивировалось тем, что «такой очисткой дать возможность возобновиться лесу естественным приростом» [Там же, с. 75, 84].

Надзор за пользованием общественными лесами осуществлялся лесным отделением Кубанского областного правления; устанавливалось, что «расходы по управлению лесами покрывались доходами с них, а излишек, образующийся за вычетом этих административных расходов, поступал “в общекарачаевский капитал”». Местное управление лесными ресурсами и их охрана производилось заведующим Карачаевскими лесами, лесничим, его помощником и 14 лесными объездчиками [7, с. 70-71], которые выдавали пропуска [17, с. 191].

Согласно ст. VII «Правил пользования кабардинцами и пятью горскими обществами предоставленными им пастбищными землями и лесными угодьями» от 06.03.1890 г., леса, составлявшие 6359,2 дес., передавались в нераздельное пользование «всех туземных жителей Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ» (Балкарии), оставаясь в ведении Кабардинского общественного лесничества (созданного в 1885 г.). Члены балкарских и кабардинских аульных обществ имели право с разрешения лесничего бесплатного получения древесины под дрова («преимущественно из валежника, а при неимении такового – из наименее истощенных»). Лес для постройки или ремонта дома, а также для ремесленных надобностей тоже отпускался бесплатно с разрешения лесничего и «по особому удостоверению» аульного старшины, удостоверенному окружным начальником. Общественный лес разрешалось продавать «под строгим контролем лесной стражи по уплате пошлин», размер которых был равен пошлинам «ближайших казенных лесов». При истощении лесных дач они могли быть «обращены в запас на определенное число лет». Запрещалась рубка леса в период с 1 мая по 1 сентября [6, с. 180-181].

На *недра*, располагавшиеся на территории горских обществ, также распространялось право общественной собственности, которое получило оформление по линии государственного законодательства. Касаясь данной темы, Б. А. Шаханов в начале XX века отмечает, что, по имперскому праву, собственнику земель принадлежит и «право на эксплуатацию недр владеемых ими земель», что подкрепляет соответствующим постановлением департамента Сената [21, с. 160]. В районе впадения реки Худес в Кубань располагались месторождения серебро-свинцовых руд, которые до революции составляли «достояние всего Карачая» [7, с. 50-52] и впервые были сданы Карачаевским обществом (через институт общенародных доверенных), по арендному договору, частным предпринимателям в 1891 году [20, с. 250]. Примечательно, что карачаевцы отказывались от собственной разработки этих недр с коммерческой целью. Отмечая это обстоятельство, А. Батчаев (1914) в газетной заметке пишет: «пустить в оборот все эти природные богатства – карачаевец не согласится, как же, ведь это нарушение “адата”», а в результате – «все эти Аллахом данные богатства не приносят карачаевцам почти никакой пользы» [1]. Это, пожалуй, первое упоминание об адате, касающегося пользования недрами, но трудно сказать о конкретном его содержании. Можно лишь предполагать общую его суть, заключавшуюся, видимо, в запрете на частную разработку общественных недр. Более раннее сообщение А. М. Буцковского (1812) о том, что карачаевцы разрабатывают свинцовые и железные руда, «из коих выделывают пули и плавят железо» [17, с. 34], может указывать на то, что адат допускал пользование недрами не в частных, а общественных целях.

В пореформенное время *возникли новые виды общественного имущества*, появившиеся с утверждением новой фискальной системы, заменившей подати феодального порядка. В горских обществах были введены три вида денежных повинностей (налогов): казенные (подымная подать, воинская повинность), сельские (на содержание «земских троек», на компенсацию жертвам краж и убийств), общественные (на содержание сельской администрации, аульного эфенди, милиционерам, глашатая и др.; на ремонт дорог, мостов) [6, с. 183]. К категории новых видов общественного имущества относились сформировавшиеся за счет налогов суммы аульных обществ, в частности *общественная казна*. Общекарачаевский казначей (находился в Учкулане) вел «Книгу на записку обще-карачаевских денежных общественных сумм». В ней отражались расходы «по заключенным контрактам и по постановлениям комитета, состоящего из выборных от 10-ти карачаевских селений». Казна Карачая формировалась из получаемых арендных сумм, от лесных материалов из общекарачаевских лесов (например, «продажи сухоподстойного леса»), займов и др. Казна сельского общества, находившаяся в руках аульного казначея, формировалась за счет выплат арендаторов «юртовой земли» аула, подати на содержание аульного правления и др. Эти суммы тратились на общественные нужды – содержание общекарачаевской школы в Учкулане (1,5 руб. «с дыма»), выплаты за аренду казенных горных пастбищ и др. Комиссия по обследованию управления горцами Баталпашинского отдела в 1898 г. констатировала, что «карачаевские селения вышли из прежней задолженности и удовлетворяли все свои потребности исключительно собственными доходами, не прибегая к разорительным для них займам» [9, с. 80-89].

В состав аульного имущества входили административные постройки, где размещались сельские правления с канцеляриями, школьные здания, противопожарные средства («пожарный обоз»), хлебные магазины (склады) [Там же, с. 84-87, 90].

Еще до присоединения к России в карачаево-балкарских обществах действовало *залоговое право* в виде института бессрочного залога (кар.-балк. *бегенда*). При установлении таких отношений кредитор получал в залог земельный участок, которым пользовался вплоть до возвращения долга (скота, позже – денег) владельцем этого участка [19, с. 302]. На основе бегендного права горцы получали земли в залог и у землевладельцев соседних народов. Например, чегемский таубий Иналук Малкаруков получил в бегенду от кабардинского князя Асланбека Атажукина участок «Сары-тюз», который затем перешел от Атажукиных к чегемскому узденю Хаджи-Дауту Этезову [21, с. 193].

Поскольку залог был бессрочным, в случае смерти должника, обязательства по нему переходили его наследнику, причем отмечались случаи «состояния участков в бегенде по сотням лет». В случае если наследников было несколько, по адату, заложенный участок подлежал разделу между всеми ими, причем любой из наследников получал право, уплатив кредитору всю сумму займа, получить весь участок, или выкупить ту часть его, которая приходилась на его долю. Если наследники отказывались от заложенного участка, право выкупа переходило к владельцу соседнего участка. В то же время, права кредитора, то ссуженная им сумма не делилась между его наследниками: как правило, один из сонаследников, «уплатив другим их наследственные доли в уплаченной наследователем за участок сумме, брал весь участок на бегендном праве себе» [Там же, с. 143-144].

После введения имперского законодательства традиционная залоговая система (бегенда) некоторое время сохраняется в неизменном виде, так как она «почти в точности соответствует праву выкупа членами рода родовых имуществ, перешедших к чужеродцам, установленному русскими законами», в частности, ст. 1346-й и последующим статьям т. X Свода законов гражданских (СЗГ). Отмечая, что бегенда соответствует имперскому залоговому праву (ст. 1671 ч. I т. X), Б. А. Шаханов указывает, что такого залога не могло быть без права собственности, т.к., согласно ст. 16290 ч. 1 т. X СЗГ, «отдавать в залог можно только то имущество, которое принадлежит отдающему по праву собственности» [Там же]. Но, как свидетельствуют источники, бегендные отношения в Карачае в начале XX века успешно *вытесняются «под влиянием русских понятий простою срочною арендою земель»*. Последняя, в отличие от бегенды, давала собственникам пастбищ и сенокосных угодий «возможность при нужде добыть денежные средства и не рисковать потерять навсегда землю» [7, с. 41]. Как видим, исходя из соображений хозяйственной выгоды, горцы без колебаний переходили от адатного права к имперскому.

Русская правовая мысль, документальная форма правовой практики приобщали горцев к более качественному усвоению юридических оснований обладания своей собственностью. В частности, определялось, что право собственности реализуется в четырех признаках – в *законном* господстве над объектом собственности, в праве *владения*, праве *пользования* и праве *распоряжения* [22, с. 291-295]. Данное положение получало реализацию в практике имущественных сделок в сфере залогового права.

Рассмотренные материалы, как представляется, свидетельствуют о том, что эволюция правовой основы землепользования шла в двух направлениях. С одной стороны, традиционные, адатные нормы адаптировались к схожим формам, установленным имперским правом (аренда, залог, долговые обязательства), что вело к определенной консервации адатов, получавших «второе дыхание». А с другой стороны, часть адатов, регулировавших земельные отношения, полностью заменялась имперским правом.

Список литературы

1. **Батчаев Аубекир.** Карачай и карачаевцы // Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1914. 11 января.
2. **Бурксер В.** В стране карачаевцев // Записки Кавказского горного клуба. 1915. Вып. 3-4. С. 27-43.
3. **Государственный архив Краснодарского края (ГАКК).** Ф. 454. Оп. 2.
4. **ГАКК.** Ф. 454. Оп. 5.
5. **ГАКК.** Ф. 774. Оп. 2.
6. **Документы по истории Балкарии. 40-90-е гг. XIX в.** / сост. Е. О. Крикунова. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1959. 262 с.
7. **Иваненков Н. С.** Карачаевцы: доклад, прочитанный на общем собрании членов Общества любителей изучения Кубанской области 28 ноября 1908 г. // Известия Общества любителей истории Кубанской области. Екатеринодар, 1912. Вып. V. С. 25-91.
8. **Ковалевский М.** Закон и обычай на Кавказе: в 2-х т. М., 1890. Т. 1. 290 с.
9. **Кубанская справочная книжка 1894 года** / сост. В. А. Щербина. Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления А. П. Сташевского, М. С. Попова и Килиуса и К°, 1894. 628 с.
10. **Невская В. П.** Карачай в XIX веке // Ас-Алан: ежеквартальный массовый журнал. М., 2002. № 1 (6). С. 130-475.
11. **Невская В. П.** Пореформенный период // Очерки истории Карачаево-Черкесии / отв. ред. В. П. Невская, В. А. Романовский. Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1967. С. 436-475.
12. **Орлов М. В.** Возможна ли частная земельная собственность в Карачае // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1902. Вып. 3. С. 167-197.
13. **Правила о размере платы за пользование свободными казенными землями Кубанской Области** // Кубанские войсковые ведомости. Екатеринодар, 1867. № 18.

14. **Прасолов Д. Н.** К вопросу о правовых функциях съезда доверенных Кабарды и горских обществ // Обычное право и правовой плюрализм на Кавказе в XIX – начале XX века: мат-лы Всероссийской науч. конф. (24-26 сентября 2009 г.) / отв. ред. П. И. Магаяева. Карачаевск, 2009. С. 240-244.
15. **Российский государственный военно-исторический архив.** Ф. 330. Оп. 7.
16. **Состояние скотоводства на Северном Кавказе** // Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1908. № 163.
17. **Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790-1917):** сборник документов. Ростов н/Д, 1985. 287 с.
18. **Терентьев А.** Артачное право в Карачае // Революционный Восток. М., 1929. № 7. С. 332-334.
19. **Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области** // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1910. Т. 15. С. 237-366.
20. **Чурсин Г. Ф.** Поездка в Карачай // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1915. Т. XXIII. № 3. С. 239-258.
21. **Шаханов Б. А.** Избранная публицистика / сост. Т. Ш. Биттирова. Нальчик: Эльбрус, 1991. 286 с.
22. **Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басият Шаханов** / сост., ст. об авторах, прим. и коммент. Т. Ш. Биттировой. Нальчик: Эльбрус, 2007. 408 с.
23. <http://95live.ru/world-history/paskevich-gortzam-kavkaza.html> (дата обращения: 28.03.2015).

EVOLUTION OF LEGAL REGULATION OF LAND TENURE IN MOUNTAIN COMMUNITIES OF KARACHAY AND BALKARIA (THE 1860S – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY)

Nukhrikyan Ekaterina Sergeevna

*Karachay-Circassian State University named after U. D. Aliev
nys-82@mail.ru*

The article examines the theme of legal changes in the sphere of land relations that took place in the mountain communities of Karachay and Balkaria after the beginning of the reforms of the 1860-1870s. The author covers the problem of the state legitimation of the private ownership of land, which had formed in the regions under consideration before their joining Russia. The issues of the development of lease relations, bail and other forms of land turnover, the transformation of the norms of traditional law in the direction of their adaptation to the imperial legislation, the appearance of new forms of public property are studied.

Key words and phrases: mountain communities; property; ownership; usage; private property; law; adat; lease; bail.

УДК 93+323.37

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются характеристики «Горного журнала» как важного и информативного источника по истории развития в России эмеритальных касс – организационной формы реализации дополнительных пенсионных гарантий отставным гражданским чиновникам. Исследуется тематика «горной» эмеритур в материалах журнала за вторую половину XIX века. Основное внимание уделяется официальным публикациям кассовой отчетности и трудам авторов «Горного журнала» – непосредственных организаторов «устройства» и практиков «действия» эмеритальной кассы.

Ключевые слова и фразы: «Горный журнал»; горные инженеры; эмеритальная касса; корпоративные пенсионные учреждения; гражданские ведомства Российской империи.

Орлов Павел Алексеевич, к.и.н., доцент

*Южно-Уральский государственный университет
orloff1@yandex.ru*

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭМЕРИТАЛЬНОЙ КАССЕ ГОРНЫХ ИНЖЕНЕРОВ В «ГОРНОМ ЖУРНАЛЕ» ЗА ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ XIX В. ©

Первые отечественные опыты реализации корпоративно-страховых принципов в практиках пенсионного обеспечения «лиц гражданских ведомств» приходится на вторую половину XIX века.

Введение тогда «в дополнение к пенсиям казенным», «личными трудами и службами», «отложенных» эмеритур (от лат. *emere*; *emeritus*, *emereo* – отслуживший, старый; заслуженный, заслуживаю) стало закономерной реакцией на «обременительный» рост прямых пенсионных расходов (последствия провальной Крымской компании) и на общее «удорожание» государственного аппарата [4, с. 25-29]. Поначалу «укорененные» в морском (1856 г.) [3; 28] и военно-сухопутном ведомствах (1859 г.) [2; 27] «проекты» эмеритальных касс уже в ближайшие последующие годы «состоялись» в ключевых «штатских» министерствах [23; 24; 34; 35-37; 41], а немного позднее – и в земствах ряда губерний [16].